

ТРИ РАССКАЗА

ЗЕМЛЯКИ

— Ну как, Владимир Иванович, на новом месте? Привыкаешь?

Заместитель главы администрации поставил свой портфель на заднее сиденье автомобиля, а сам расположился на переднем.

— А чего тут привыкать? Не впервой.

— Тогда поехали до самого дальнего хозяйства: в Андреевку. Бывал там или нет?

Владимир Иванович прожил тридцать лет на Дальнем Востоке. И вот, по совету брата, вернулся в родной город. После смерти родителей ему осталась хорошая квартира недалеко от центра. Брат, ставший большим начальником, устроил его к себе на работу водителем.

— Довелось побывать в тех краях по молодости, — усмехнулся Владимир Иванович.

— Андреевка, Тарасовка, даже про хутор Вишнёвый помню.

— Ого! — рассмеялся замглавы. — Так его уже сто лет как нет.

— Это точно. Его и тогда не было, когда случилась одна интересная история. Могу рассказать.

Замглавы был весь во внимании.

— В начале восьмидесятых я работал на нефтебазе водителем бензовоза. Дали мне как-то задание отвезти солярку в Андреевку — шла уборочная страда. Затарил я по самую горловину семикубовую ёмкость своего старенького «МАЗа», сел за баранку и — в путь. Когда свернул с асфальта на грунтовую дорогу, вижу — старик стоит, голосует. Густая седая борода, рюкзачок за плечами, тросточка в руке — чем-то он был похож на Льва Толстого. Я притормозил: невозможно проехать мимо старого человека. Попросился он доехать до Тарасовки. Как раз по пути. Если мне не изменяет память, между Тарасовкой и Андреевкой километров пять будет.

— Совершенно верно, — подтвердил замглавы.

— Ну, так вот, — продолжил Владимир Иванович. — Через пару вёрст вижу — ещё один старик идёт неспешно вдоль дороги. В руках небольшая хозяйственная сумка, на голове — мятая фуражка. Тоже тянет руку. Подобрал я и его; он как раз до Андреевки напросился.

— В гости, что ль к кому едешь? — спросил первый старик.

— Домой, — ответил второй.

— Что-то я тебя, — говорит седобородый, — не могу признать. Семьдесят восемь годков живу в этих краях, андреевских всех знаю. Новенький что ль?

— Недавно приехал, — отвечает другой, — хотя родился и вырос здесь. После гражданской войны остался в Узбекистане, обзавёлся семьёй, ушёл на вторую мировую

оттуда, туда же и вернулся. Теперь решил в родных краях осесть; сын купил мне небольшой домик, а сам обосновался в городе. Вот в гостях был у него.

Первый старик осмотрел его внимательно и покачал отрицательно головой:

— Нет, не могу признать.

— Костылёв я с хутора Вишнёвого.

— Генка Костыль! — хлопнул тот ладонями себя по ногам.

— Ну да. А ты кто?

— Большаков из Тарасовки.

— Уж не Ванька ли Балабол?

— Какой я тебе Балабол! Меня давно уже так не зовут. Большаков я и есть

Большаков.

— Да ладно, не сердчай. Я ведь, — говорит второй, — тоже давно уже не Костыль.

Давай-ка я тебя обниму, сколько годиков не виделись.

Обнялись, расцеловались, прослезились.

— А ты, Ваньк, помнишь, как мы с тобой Маньку Золотухину не могли поделить?

— Помню. Она потом Большаковой стала. Пять лет, поди, прошло, как нет уж моей Маняши. Ох, и охранял я её тогда, когда ты с хутора к ней в Тарасовку похаживал. Сколь раз мы с тобой на кулаках-то, а? Помнишь?

— Ещё как. Особенно в последний раз, перед призывом в Красную Армию, у моста.

Здорово я тебя тогда там отколошматил.

— Ты?! Да это я тебе, как сейчас помню, с правой наотмашь по уху уладил.

— Врёшь! Промах дал. Зато я тебя по скулятнику...

— А кто кого тогда в речке отмочил, а?

Дед Геннадий вдруг сорвал со своего соперника кепку и стукнул его кулаком по голове с криком:

— Вот тебе!

— Ах ты, гад! — дед Иван в ответ, нахлобучив ему фуражку на глаза, схватился обеими руками за пиджак. — Пришибу!

Послышался треск по швам. Дед Геннадий вцепился ему в бороду. Оба взвыли.

Я — по тормозам, давай их разнимать. Да не больно-то просто оказалось. Трухалям под восемьдесят, а сцепились как репы. Пришлось выходить из кабины и открывать пассажирскую дверь. Тяну деда Геннадия за ногу, а сам ору:

— Что ж вы делаете, черти старые? Хуже пацанов. Отцепитесь немедленно! Вон из машины оба!

А они кричат и матерятся в три этажа. Наконец расцепились. Один с моей помощью оказался на улице, другой, разгладив бороду, остался в кабине.

— Сумку отдай! — заорал дед Геннадий. — Балабол недорезанный.

— На! Морда узбекская! — полетела в ответ сумка, которую я успел поймать на лету и отдал хозяину.

— Я с этим швинобородым козлом не поеду! — выругался он и зашагал вперёд.

— На себя посмотри, чурка!..

Но я уже захлопнул дверь и заторопился за руль. Поехали. До Тарасовки вёрст семь-восемь оставалось. Я пару раз пытался побранить деда Ивана, но тот молчал всю дорогу. Когда заехали в деревню, он указал:

— Вон мой дом с синим забором, где куча дров лежит. Пока меня не было, председатель целый самосвал свалил. Молодец! Обещал — сделал. Будет мне работа: дрова в сарай перетаскивать.

Я остановился около этой кучи. Старик извинился, поблагодарил и вышел. А мне вдруг подумалось: дорога до Андреевки тупиковая, машин ходит мало, дед

Геннадий пешком топаёт. Развернувшись, поехал за ним. Он даже обрадовался моему возвращению.

И вот едем мы по Тарасовке. Я возьми да скажи ему, подъезжая к куче дров:

— Вон твой друг стоит у крыльца.

Дед Геннадий попросил остановиться, осторожно спустился из кабины на землю и направился к калитке. А дед Иван, схватив попавшийся под руку черенок от лопаты, пошёл навстречу.

— Зря ты, Ваньк, дрынку-то взял, — дед Геннадий на всякий случай остановился

— Я ведь чего к тебе иду... Не со злом... Прощенья хочу попросить. Сам не пойму, как получилось.

Дед Иван помедлил немного, отбросил в сторону черенок и приблизился к гостю со словами:

— Дурак ты старый.

Тот согласно кивнул головой.

— И я тоже дурак. Нам в наши годы держаться нужно друг за друга, а мы молодецкую вражду вспоминаем, драться лезем.

— Ну, так что? Прощаешь?

— Давно простил. Ты, может, Генк, останешься погостить у меня? Иль кто дома ждёт?

— Да никто.

— Ну, так пошли. У меня вкусная клубничная наливочка имеется. В погребе — ароматные грибочки, хрустящие огурчики и тому подобное. Вон дрова поможешь уложить в дровяник.

— С удовольствием.

— Отметим встречу. Сколько ж годков-то прошло?

— Поди, около шестидесяти.

Они в обнимку направились к крыльцу.

Я достал из кабины сумку, повесил на забор и уехал.

К вечеру, на обратном пути, наблюдаю такую картину: сидят два старика на крыльчке, между ними початая бутылка с наливкой розового цвета, два стакана, чашка с закуской. О чём-то мирно беседуют земляки, жестикуют. Я посигналил, они дружно замахали в ответ руками.

А вот куча дров так и осталась нетронутой.

ФАРТОВЫЙ ДЕНЁК

Было раннее утро. Толян сидел на скамейке у соседнего подъезда. Хотелось курить, но как назло редкие прохожие оказывались либо женщинами, либо некурящими. У кого ни спросишь — нет. Во дворе стоял знакомый «Ситроен» Рустама Амировича. А он, если приезжал к своей подруге на ночь, то уходил от неё очень рано. На это Толян и надеялся. При встрече с этим «ходячим кошельком» ему всегда выпадали денежка и пара недешёвых сигарет. Вот он сидел и терпеливо ждал.

Запищал сигнал домофона, открылась подъездная дверь, вышел Рустам Амирович.

— Так и знал, что ты уже здесь, — усмехнулся он.

— Привет, начальник.

— Здравствуй, балбес.

В руках у Толяна оказалась полупустая пачка сигарет «Кент», а в нагрудный карман пиджака спряталась синеватая пятидесятирублёвая купюра.

Ура! Начало дня — удачное.

Он заторопился в сторону круглосуточного ларька, где из-под прилавка можно было в любое время приобрести «фанфурики». Но в рваных шлёпанцах на босу ногу особенно-то не разгонишься. Но это не беда. Зато у него в кармане скоро зазвенят целых два пузырька с красными перчиками на этикетке.

Вместе с «фанфуриками» Толян купил коробку спичек и на обратном пути закурил, жадно затягиваясь ароматным дымом дорогой сигареты. Дома у него со вчерашнего дня остались две варёные картофелины, кусок хлеба и штук пять-шесть пёрышек зелёного лука. Приходили два «ханурика», калымнувшие где-то на погрузке дров, пили вместе водку, ели сало с картошкой. Вот и осталось чем закусить, заодно и позавтракать.

Толян, довольный, защёлкнул на шпингалет входную дверь и заторопился на кухню. Под долом стояли пока ещё целые три пластиковые полторалитровые бутылки с водой. Он взял одну, плеснул немного в кружку; туда же, откупорив торопливо «фанфурик», вылил из него всё содержимое. Выпил эту бурду залпом, закусил хлебом и картофелиной с луком, закурил. Нутро тут же ответило давно знакомым теплом. Жаркая отрыжка затушилась водой из пластиковой бутылки. Мозги почувствовали прибытие кайфа. Чего ещё нужно?

Теперь можно выйти и на улицу...

Были у Толяна и хорошая работа, и семья, и квартира, и машина. Но наступила инфляция, завод, где он работал, подвергся массовым сокращениям, а потом и вовсе закрылся. Таким образом, станочник широкого профиля Анатолий Ходыкин, до последнего дня проработавший на заводе, остался, как говорится, за забором. Поиски нового рабочего места результатов не давали. Закрывались предприятия, сокращались работники. Оставалось одно — заниматься шабашкой: то тут, то там...

И начал Толян прикладываться к стакану. А вскоре и вовсе ввязался в пьянство. Дома у него часто стали появляться сотоварищи. Жена с повзрослевшими детьми ушла, забрав с собой оформленную на неё машину. А двухкомнатная квартира на первом этаже пятиэтажки превратилась в притон. Вскоре, завязнув в долгах за квартплату, Толян был лишён всех коммунальных услуг. Его спасением стали походы в расположенный неподалёку частный сектор, где тёк хорошо обустроенный родник.

Жизнь, лишённая всего прекрасного, казалась Толяну обычным явлением. Едва откроются утром глаза, а голову точит только одна мысль: «Что нам бог пошлёт сегодня?» Посылочка эта божья мечтательно состояла всего лишь из стакана водки и куска хлеба. Дежуство около близлежащих магазинов и на перекрёстке тротуаров с попрошайничеством — дело для него привычное, но не всегда удачное. Везуха была, когда к нему подкатывали с выпивкой корешки, и по выражению соседки у него во «вшивятнике начинался гужбан»...

Для родных детей отец, как говорится, всегда остаётся отцом. Не забыли дети и о Толяне. Сын со снохой и дочь с зятем нагрянули однажды нежданно-негаданно и «взялись» за отца. Коммунальные долги были погашены; в квартире появились свет, вода и газ. Ремонт на скорую руку хоть как-то освежил потускневшие стены и потолки. А отмытый и откормленный Толян дал согласие устроиться на работу. Сын помог ему оформиться в подрядную организацию по монтажу новых трубопроводов, где работал сам. Слесарь передвижной ремонтной мастерской Анатолий Ходыкин продержался на работе всего три месяца. После первой получки он ушёл на неделю в запой. Хлопотами сына — простили. Вторая получка — то же самое. Снова помог сын, уважаемый в коллективе инженер-технолог, но только с последним предупреждением, поскольку хлопотал за отца. Ну а после третьей получки получил Толян «пинка под зад».

— Ноги моей не будет больше в твоём доме, — сказал тогда сын.

И действительно — на протяжении почти десяти лет ни сын, ни дочь не наведывались к нему в гости.

Он пытался несколько раз заниматься подсобной шабашкой, но и тут заработанные деньги уходили на пропой. Соседка по лестничной площадке прозвала его Бомром.

— А что это обозначает? — спросил он.

— Без определённого места работы, — ответила она. — Бомжём назвать нельзя — хата есть.

После фанфурика и небогатого завтрака Толян сидел на скамейке и курил. Под лучами яркого утреннего солнца — для него это был балдёж. Старичок-пенсияр у соседнего второго подъезда его не интересовал. Беседа между ними никогда не ладилась. Для бывшего честного труженика Толян был вонючим тунеядцем.

К первому подъезду подкатила беленькая «Лада» десятой модели. Сидевший за рулём паренёк распахнул настежь дверцу и, два раза коротко посигналив, устремил взгляд наверх. На балконе четвёртого этажа появилась девушка, помахала рукой и тут же скрылась.

— На волне — дорожное радио, — доносился из машины звонкий голос ведущей.

— Сегодня у нас в гостях Евгений Куликов...

Парень, обняв руль, положил подбородок на руки.

И тут до слуха Толяна долетела знакомая мелодия, а слова песни острой шпилькой вонзились в душу:

— Милое детство с нуждой по соседству,

Но различал я небес акварель.

Мне от отца досталась в наследство

Стая ручных сизарей...

Телевизор бедному пьянице давно не доводилось смотреть, радио — редко слушать. Электроэнергии-то дома нет. А тут...

Он поднялся со скамейки и подошёл к машине.

— Тебе чего, мужик? — спросил недовольным голосом парень, увидев перед собой мятого, немьтого пропойцу.

— Не гони, прошу. Дай хорошую песню послушать.

— Слушай, — усмехнулся парень и прибавил громкость.

Толян стоял, боясь шевельнуться. В конце третьего куплета прозвучали слова:

— Знаю — в беде меня не забудет

Стая ручных сизарей...

Он вдруг присел на корточки и обхватил голову руками. Парень случайно увидел это и выскочил из-за руля.

— Эй, мужик, ты чего? Тебе плохо? — тронул он его за плечо.

Толян поднял голову с мокрыми от слёз глазами, отрицательно покачал головой и, снова поникнув головой, пробубнил:

— Всё нормально.

— Это в нём бухло заговорило! — вмешался сидевший у второго подъезда старичок-пенсияр и засмеялся: — Реакция опьянения с утра пораньше действует.

— Да-да, дядь Вань, — согласился Толян, продолжая сидеть так же. — Ты совершенно прав.

Парень снова сел в машину. Тут из подъезда выпорхнула подруга, лёгкой походкой проскочила мимо, поздоровавшись со всеми, и вмиг оказалась на переднем пассажирском сиденье.

— Поехали, Владик...

Но Владик жестом руки попросил её подождать.

Закончилась песня, хлопнула дверца, завёлся двигатель, и машина рванула с места.

— Чего рассопливился-то? — спросил старичок. — Мало выпил? Где только находите с раннего утра, дармоеды...

Толян ничего не ответил, поднялся и пошёл домой. Разбавленный второй «фанфурик» был выпит залпом, доедены хлеб, картофелина и лук.

Хмель разбудил память. Воспомнилось Толяну прошлое: мать с отцом, голубятня во дворе двухэтажки, где прошло его детство. И он решил отправиться туда. Но идти в рваных шлёпанцах в другой конец города было непросто. На лоджии стояли старые зимние ботинки, доставшиеся ему от соседа с третьего этажа. Их он и решил надеть. Больше — нечего...

Старые двухэтажки во дворе давнего детства стояли в один ряд вдоль улицы. Напротив высились пятиэтажные красавицы. В сочетании с ними сказочно выглядел под оранжевой крышей детский сад, огороженный кованым забором зелёного цвета. Много лет назад, когда Толян в рваных штанах гонял по двору на самокате, ничего этого не было. Были только гаражи да сараи, прилипшие друг к другу, как попало. Далее располагался небольшой пустырь, заменявший мальчишкам футбольное поле, с трёх сторон заросшее корявыми клёнами и яблонями.

Толян нашёл место, где когда-то располагалась отцовская голубятня. Эх, с каким увлечением он, хулиганистый пацан, запускал с отцом, а потом со свистом гонял сизарей! И никогда не переставал восхищаться их трепетным полётом.

Потом — армия, женитьба, семейные хлопоты, работа на заводе. Выбрать время, чтобы приехать к родителям в гости, погонять с отцом голубей — хоть и не часто, но удавалось.

Толян с грустью посмотрел в сторону подъезда и вспомнил скорбный день, когда в окружении родных и друзей на двух табуретках стоял гроб с телом отца. А в воздухе парили голуби, провожая в последний путь своего хозяина. Эти хорошие, безобидные птицы требуют постоянного ухода, которым обеспечить их Толян не мог, поскольку жил и работал в другом конце города. Не наездишься каждый день. Продать — не получалось. Пришлось раздарить другим голубятникам в память об отце. Бывало, удавалось навестить своих пернатых друзей: то одну голубятню посетит, то другую. Всё осталось в прошлом...

Нынешней весной, набирая на роднике воду, увидел в небе парящих голубей. Со стороны частного сектора, куда в горку уходила тропинка, послышались свист и хлопанье в ладоши. Появились два голубя, летящие вверх вертикально по прямой линии.

«Николаевские, — сразу подумал Толян. — У отца была такая порода. Сейчас поднимутся высоко и начнут трепетать своими длинными крыльями».

Скорее туда, наверх! Кто же там запускает такую красоту?

Поднявшись на гору, он увидел большой двухэтажный коттедж недавней постройки. Вдоль забора по второму этажу тянулась веранда, продолжение которой переходило в помост под открытым небом. Там и располагалась голубятня.

У края помоста стоял парень кавказской национальности и, прикрыв ладонью глаза от солнца, смотрел на небо. На веранде появился мужчина невысокого роста, сутулый, с белёсой головой.

«Да это же армянский бизнесмен Агаджан», — узнал Толян, торопливо спустился в ложбинку, метрах в трёх сбоку от тропинки, бросил пакет с бутылками на землю и улёгся рядом.

Ему два раза приходилось подрабатывать у Агаджана на рынке. Первый — разгружал ему арбузы, другой — ящики с персиками.

Из ложбины торчала голова, которую не сразу можно заметить. Хороший нашёлся объект для наблюдения за голубями и их хозяевами.

Толян потом, выпросив поносить часы у одного собутыльника, несколько дней приходил сюда, чтобы поглазеть на красивый полёт голубей и установить время их запуска. Ровно в полдень на помост выходил либо сам Агаджан, либо его сын.

«А сколько же сейчас времени?» — подумал Толян, стараясь уйти от грустных воспоминаний, поплевал на окурки и бросил его в стоявшую рядом урну.

Послышался стук каблучков об асфальт. По тротуару приближалась женщина. И когда она поравнялась с беседкой, Толян спросил:

— Не подскажете — сколько времени?

Женщина посмотрела на часы, бросила на ходу мгновенный взгляд на небритого, грубо остриженного, мятого пьяницу и ответила:

— Без двадцати двух минут десять.

«Маринка! — словно лезвием полосонуло по сердцу. — Бывшая соседка по лестничной площадке Жукова Маринка. Сейчас свернёт к первому подъезду... Точно».

Столько лет прошло, а он сразу узнал её. Это уже не та золотоволосая девчонка, любившая вместе с ним гонять голубей. Мимо прошла статная, красивая, хоть и поповевшая подружка его детства. Она посмотрела на него и не узнала.

«А, может, это и к лучшему», — подумал Толян.

Он ещё раз осмотрел весь двор, задержал взгляд на подъездной двери, за которой скрылась Марина, с грустью посмотрел на занавешенные окна своего детства, поднялся и пошёл...

Зайти домой за пустыми бутылками, сходить на родник за водой, а там подняться к дому Агаджана и полюбоваться в очередной раз полётом голубей — на всё это времени хватало вполне. Он уже недели две не был в той заветной ложбине. Голуби Агаджана взмывали ввысь ровно в полдень. Чтобы успеть, Толян прибавил шагу.

И вот он на месте; лежит на утоптанной траве и ждёт. На фоне заросшей цикорием поляны его голова почти незаметна. Рядом лежит пакет с наполненными водой бутылками, и стоят зимние ботинки. Грязные ноги отдыхают от затхлых носков и меховых внутренностей этой старой обуви. Фанфуриковая хмель — на исходе. Толян потеет и с хрустом чешет свою неровно остриженную голову.

А солнце припекает. Жара.

Вот, наконец, послышался свист и с детства знакомое хлопанье крыльев. Толян встал на колени и, затаив дыхание, устремил взгляд на небо. Когда все запущенные голуби поднялись высоко, он лёг на спину, раскинул руки и, прищурившись от яркой голубизны неба, продолжал наблюдать за ними.

Глаза самопроизвольно закрылись. Голова намокла от пота, рубашка — тоже. Оголённые ноги ощущали жгучие лучи солнца. Но шевельнуться — даже не хотелось.

— Эй, ты, — вдруг послышался голос.

Толян резко поднялся и сел, поджав под себя одну ногу. Над ним, на краю ложбины, стоял Агаджан.

— Ты чего тут делаешь?

— Ничего. Просто лежу — отдыхаю.

— Мы с сыном не раз видели, как ты здесь отдыхаешь. Бомж что ли?

— Нет. У меня есть квартира по улице Добролюбова. А сюда прихожу... — Толян запнулся, но тут же нашёлся: — Вот, за свежей родниковой водичкой.

— Ты больше на бомжа похож.

— Я Бомр. Кличка такая.

— Что? Первый раз слышу.

— Без определённого места работы. Соседка так прозвала. Остальные поддержали. Агаджан указал пальцем на ботинки и усмехнулся:

— Ноги мёрзнут что ли?

Толян опустил голову и пробубнил:

— Тебе-то какое дело?

— Ладно, не бычьись. Я пошутил. Признавайся — ты голубятник?

Толян посмотрел на него и снова, уткнувшись взглядом в землю, вздохнул:

— Бывший.

— Бывших не бывает. Я смотрел через окно за тобой в бинокль. Сначала думал — хочешь залезть и что-нибудь украсть. Но ты с таким восторгом смотрел за полётом! Кто сейчас в небе?

Толян не спеша стал обуваться и ответил:

— Две пары Бабочек, две — Николаевских, восемь штук Спортивных сизарей. Последнюю выпущенную пару я не знаю, но как красиво и необычно она крутит вокруг своей оси...

— Это Бирмингемские роллеры бойной породы. Они планируют, кувыркаясь через крыло, вот и кажется, что крутятся необычно. Я их совсем недавно приобрёл, и они уже привыкли к новому хозяину. Как твоё имя?

— Толяном дразнят.

— Анатолий значит. А меня Агаджаном зовут.

— Я знаю. Пару раз доводилось подрабатывать у тебя.

— Вот и превосходно. Пошли за мной.

— Куда? — насторожился Толян.

Агаджан улыбнулся:

— Не пугайся. В гости зову. Покажу тебе своих голубей. Хоть ты мятый и вонючий, но птиц любишь от души, по-человечески. Я это понял. Идём?

Толян поднялся, взял пакет с водой и пошёл за ним следом.

За высоким каменным забором, едва закрылась кованая калитка, небритый и невымытый гость почувствовал в себе скованность и стыд. Он словно оказался в маленьком раю. Весь двор и тропинки в саду были выложены брусчаткой в сочетании розового, зелёного и серого цветов. Стены дома, гаража, сарая и забор изнутри изумляли оригинальной отделкой под вид каменной пещеры. Агаджан, поднимаясь по мраморной лестнице на веранду, позвал гостя жестом руки.

В окне второго этажа появилась женщина. Толян кивком головы поздоровался. Она тут же исчезла, задвинув занавеску.

— Это моя жена, — сказал Агаджан и крикнул: — Зармануш!

Женщина вышла на веранду и недовольным тоном заговорила по-армянски. Муж перебил её, строго дав какое-то указание. Она сразу удалилась. Со стороны помоста пришёл сын.

— Баград, — представил хозяин. — Мой старшенький.

Он что-то спросил и, получив ответ, отправил сына в дом.

— Идём, Анатолий, — жестом руки указал в сторону помоста. — Сынок там уже прибрался в клетках.

Толян заторопился туда, откуда доносились знакомые с давности шорохи и переливчатое воркованье.

Голубятня состояла из пяти клеток. Первые две были с открытыми дверцами и пустые — обитатели ревелись в небе. В третьей клетке находилось четыре пары необычных для Толяна голубей.

— Вот пара Казанских цветнохвостых, — объяснил Агаджан. — Это две пары Курских. А это мои дорогие красавцы.

На нижней жердочке сидели два курдюка чёрно-белой пятнистой окраски.

— Курчавые. Мечта самых искущённых птицеводов. Смотри, Анатолий, как красиво завиваются опахала перьев на лапках и крыльях. Мне их недавно привезли из Москвы за приличную цену.

Толян, налюбовавшись красавцами, перешёл к следующей клетке и, увидев широкохвостых с пышными перьями птиц, сразу заявил:

— Это Павлиньи!

— Совершенно верно, — засмеялся Агаджан. — Две пары белых, три — разноцветных. Они иногда приносят мне денежный доход; использую их по рекламным заявкам на свадебных торжествах.

В пятой клетке находился в основном молодняк различной породы. Агаджан посмотрел на часы, потом на небо, и сказал:

— Скоро Бабочки вернутся, за ними — Роллеры, а Николаевские и Сизари долго любят резвиться. И у меня время поджидает. Идём.

Они вернулись на веранду. На скамейке около пакета с бутылками лежала одежда: две пары брюк, пиджак, три рубашки, свитер.

— Зармануш! — окликнул Агаджан и, когда жена появилась в дверях, распорядительным тоном дал ей указание на родном языке.

Она недовольно ответила и удалилась. Вернулась быстро, поставила около скамейки пару туфель и сандалии, что-то буркнула мужу и хлопнула слегка за собой дверью.

— Рассердилась женщина, — рассмеялся Агаджан. — Где, говорит, ты такое чудо откопал. Отказалась стол накрывать. Ладно, не беда. Подожди.

— Нет. Я пойду.

— Сиди здесь. Ты — мой гость.

Он ушёл, но вскоре вернулся, бросив на скамейку пустой мешок; в руках держал початую бутылку водки и хлеб с колбасой.

— Эту одежду и обувь бери с собой...

— Мне не надо, — растерялся Толян.

— Не ври, — твёрдым тоном сказал Агаджан, взял с навесной полки стакан и прошёл к столу. — Самому себе не ври. Я не ношу, сын не носит, а тебе надо. Примерь сандалии. А одежду — в мешок.

Толян подчинился, освободив ноги от душных зимних ботинок.

— В пору, — сказал он, разглядывая почти новые сандалии на ногах.

— Носи на здоровье.

Толян ботинки тоже затолкал в мешок.

— Зачем? — возмутился Агаджан.

— Зимой пригодятся. Они даже не дырявые.

Тот в ответ пожал плечами, налил в стакан водку.

— Мне нельзя — за рулём. А ты пей и закусывай, — указал он на хлеб с дугообразным куском копчёной колбасы. — Вижу — тяжело тебе. Пей, ешь, ещё наливай. А я — сейчас. Бабочки возвращаются. Не любят долго летать, лентяи.

Он направился к голубятне, куда с трепетом опускались две белокрылых пары.

Толян выпил и с жадностью стал уплетать колбасу с хлебом. Потом налил ещё. Но вдруг боковым зрением случайно увидел в окне Зармануш.

«Чего это я — как дикарь», — подумал он и стал жевать медленнее, снова покосившись на окно.

Но хозяйка сразу скрылась, оставив слегка колыхающуюся занавеску.

Вернулся Агаджан. Хлеб с колбасой были съедены, в бутылке оставалось немного водки.

— Ну что, Анатолий, допивай и — кому по домам, а кому по делам. Время поджидает.

— Нет, — вдруг не веря самому себе, отказался Толян. — Я уже напился и наелся.

Отказался от водки! Когда это было? Невероятно!

— Спасибо, Агаджан, тебе за всё. Я пойду.

Он достал бутылку с водой, отпил несколько глотков, снова бросил её в мешок и взвалил его на плечо.

— А ты приходи ещё, — вдруг заявил Агаджан. — Но только трезвый, бритый и чистый. Разрешу погонять моих голубей.

Толян грустно улыбнулся, согласно кивнул головой и повторил:

— Спасибо тебе, Агаджан. До свидания.

И удалился...

Едва перешагнув порог своей незапертой квартиры, он услышал с кухни знакомый сиплый голос недавно освободившегося из тюрьмы рецидивиста Порхана:

— Толян! Ты?

— Я! — ответил, кашлянув, и торопливо прошёл в дальнюю комнату, где спрятал мешок за диван. Вернулся, пройдя мимо порога на кухню, только с бутылками воды в пакете.

Порхан сидел в компании со своей подругой Рыбой. Они были порядочно пьяны. На столе стояла начатая бутылка водки, четыре баночки пива, хлеб и выложенные на тарелку рыбные консервы в томате. Одна пустая бутылка стояла под столом.

— Здорово, дружан! — просипел Порхан и хлопнул по ладони протянутой ему руки.

— Здравствуй, Толя, — пролепетала прокуренным голосом Рыба. — Вот, мой дорогой Порханчик сегодня обзавёлся денежкой. Решили у тебя кантануться, а тебя нет.

— Да я вот, — поставил Толян пакет на пол около тумбочки, — за водой ходил.

— Присаживайся, — Порхан взялся за бутылку и решил похвастаться: — Фартовый денёк мне сегодня выпал. Утром старого корешка встретил. Тот попросил помочь: перевезти мебель одному инженеришке. Потаскал сундуки-мундуки и неплохо заработал. Пей, закусывай рыбкой; колбаса была — съели.

Толян чувствовал во всём теле усталость. Прислонившись плечом к стене, он вдруг, снова не веря самому себе, отказался:

— Не хочу. Я сегодня и водки напился, и колбасы наелся. Вы уж тут сами гуляйте, а мне спать охота...

— Ты нас удивляешь, Толя, — прояммила Рыба. — Отказываешься от водки. И кто это тебя так угощал, что до сих пор шатаешься?

— Что, тоже фартовый денёк выдался? — просипел Порхан.

— В некотором роде. От пивка бы не отказался — по жаре немало протопал.

— Без проблем.

Толян принял открытую баночку пива и сделал несколько глотков.

— Допивай, дружбан. У нас ещё есть.

Допил, пустую тару выбросил в мусорное ведро.

— Удачного вам отдыха. А я — спать. Без обиды?

— О чём базар! Валяй — дрыхни. Приятных сновидений.

Толян ушёл в дальнюю комнату, закрыл дверь, снятые сандалии спрятал под диван, лёг. Уснул быстро.

Вечерело, когда он проснулся. В квартире было тихо, на кухне прибрано, мусорное ведро — пустое.

«Хоть и пьяная, а молодец», — подумал он о Рыбе.

Станным казалось то, что не чувствовалось похмелье. Не болела, как обычно, голова. Не пылала отвратительным жаром душа. А кушать хотелось. Порхан и Рыба оставили ему консервы в тарелке и три кусочка хлеба. Толян всё съел, запил водой и вышел на улицу.

Денёк действительно выдался фартовый. Что дальше?

«Приходи трезвый, бритый и чистый», — вспомнились слова с армянским акцентом.

Толян вернулся домой. В ванной комнате нашёл кусок хозяйственного мыла, выпрошенный у соседей неделю назад. Бритвенный станок лежал на полке, заправленный недавно новым лезвием. Побрившись, он сел на диван и начал разглядывать подаренные вещи: двое брюк серого и чёрного цвета, две рубашки, пёстрый свитер и три пары носков. От всего этого исходил ароматный сиреневый запах сухих духов. Одна рубашка, пара носок и серые брюки были отложены в отдельный пакет.

С утра в теле чувствовалась давно забытая и какая-то необыкновенная лёгкость. Отмывшийся в речке и облачённый в исходившую нежным весенним запахом одежду, Толян сидел на скамейке у подъезда в ожидании полудня. Подходили три ханурика с предложением выпить, но он наотрез отказался и даже попросил не появляться у него в квартире. Пришлось наврать, что ждёт женщину. Они осмотрели наряженного выбритого кореша, поверили и ушли. Удивились, что друган даже отказался от сигаретки.

Он был охвачен только одной мечтой: подержать в руках гладких и чистых голубей. Ему представлялось, как они взмывают в небо после его коронного, незабытого с детства взмаха с разворотом. И он пошёл к дому Агаджана, где, присев на бордюр, стал ждать.

И дождался.

Джип марки «Ленд Крузер», отливаясь на солнце серебристым цветом, подкатил к воротам. Хлопнула дверца, из машины появилась знакомая сутулая фигура.

— Агаджан! — вскочил на ноги Толян и направился к нему.

Тот остановился на оклик и вопросительно посмотрел на приближающиеся знакомые серые брюки и рубаху.

— Здравствуй, Агаджан! Ты приглашал — я пришёл.

— Здравствуй, Анатолий. Оказывается, можешь держать облик человека, когда захочешь. Идём!

Они поднялись на веранду. Навстречу вышла Зармануш и недовольным голосом что-то спросила, но, получив распоряжение мужа, сразу удалилась.

— Вечно эти женщины чем-то недовольны, — усмехнулся Агаджан и направился к голубятне. — Баграта сегодня нет. Будем запускать с тобой, а потом пообедаем.

Он открыл дверцу первой клетки, отступил на шаг и вытянул руку, на которой сразу же расположилась пара сизарей.

— Бери, Анатолий, самочку и запускай.

Чувствуя в руках забытое тепло птичьего тела, Толян отошёл на край помоста и, как в детстве затаив дыхание, слегка присел на правую ногу и с разворота произвёл красивый размах. Голубка устремилась ввысь, голубок — за ней.

— Прекрасно! — восхитился Агаджан. — Берём Николаевских?

Толян с радостью закивал головой.

Потом, под свист и хлопанье ладоней, остальные голуби с ласкающим слух шумом взмыли в небо.

Голубятники стояли, задрав головы и прикрывая ладонями глаза от солнца. Богатый, обеспеченный бизнесмен и нищий пьяница — два несовместимых и совершенно разных человека в тот момент не имели различия. Это были две души, одинаково витающие вместе с птицами в голубом небе.

— А ты говорил — бывший, — сказал Агаджан, улыбаясь. — Но я повторяю ещё раз — бывших голубятников не бывает. Как у тебя здорово это получается — с разворота! Хочу тоже научиться.

Толян в замедленном темпе показал свой коронный приём. Агаджан попробовал повторить.

— Почти получается, — сказал Толян. — Вот только сначала надо повернуть голову вправо и не сводить глаз с птицы во время всего движения.

Толян показал ещё раз. Агаджан повторил, но оступился в сторону.

— Не так-то легко, оказывается, глядя на птицу. Но всё равно научусь, и сына научу. Точнее — ты научишь. Пойдём обедать!

На веранде был уже накрыт стол.

— Ох уж эти женщины, — вздохнул хозяин и окликнул жену.

Пришла.

— У меня — гость, а стол накрыт не полностью.

Она недовольно затараторила что-то, но муж осёк её:

— Зармануш! Он не знает армянского языка. Давай говорить по-русски. Принеси водку и присядь с нами.

Она послушалась. Агаджан едва успел откупорить бутылку, как Толян вдруг произнёс:

— Я не буду пить.

На лицах супругов нарисовалось выражение удивления.

— Что? — не поверил своим ушам Агаджан.

И хотя Толяну очень хотелось пропустить стаканчик-другой, а под ложечкой давно сосало, он, не веря своим словам, повторил:

— Не буду пить.

— Опять врешь самому себе?

— Вру, хочу, но не буду. Разреши мне лучше голубей встретить.

Агаджан убрал бутылку и, внимательно посмотрев на гостя, ответил:

— Разрешаю, но только на сытый желудок.

И он открыл крышку стоявшего посередине стола казана.

Головокружительный запах плова ударил в нос. Зармануш стала накладывать в тарелки исходящий парком желтоватый рис с кусками мяса. А когда перед Толяном

оказалось с горкой наложенное кушанье, он не набросился на него, а, сдерживая терпение, взял ложку с хлебом и начал аккуратнo есть.

Супруги переглянулись. Агаджан покачал головой и произнёс:

— А ты, Анатолий, оказывается, можешь держать себя в руках.

Толян на мгновенье перестал жевать, пожал неопределённо плечами и снова заработал челюстями.

— У тебя профессия есть?

— Я станочник широкого профиля... Был. Теперь вот — алкаш.

— Ну, это не профессия, а болезнь. И есть такие болезни, которые можно вылечить.

А я могу тебе дать работу.

Толян снова неопределённо пожал плечами.

— Да перестань ты ёжиться! Подумай.

— Что за работа?

— У меня есть магазин стройматериалов, где большой склад и много товара...

— Грузчиком не пойду. Здоровье не позволяет.

— Там директором моя родная сестра, — продолжил Агаджан, не обращая внимания на отказ. — Трудновато ей одной, и я решил, что на склад нужен учётик. Подумай и оставь свой адрес.

Толян молчал.

— Зармануш, будь добра, родная, подай чаю.

После обеда Агаджан уехал, а сытый гость ушёл на голубятню.

Птицы всё ещё резвились в небе. Он понаблюдал за ними и сел на приступок в ожидании их возвращения.

Придя домой далеко за полдень, он спрятал в тумбочку вручённые Зармануш ему на дорожку ванильные сухари, кусок сыра и решил сделать в квартире влажную уборку...

На следующее утро снова начало припекать. Толян сидел на скамейке у подъезда. Вышла соседка с пакетом мусора. На приветствие соседа ехидно ответила:

— Здорово, бомрятина. Гляди-ка, вырядился как! Где только умудрился такую одёжку стындить?

— Да пошла ты, язва, — отвернулся Толян.

— Я-то пойду. Да вот только что ты делать будешь, когда за тебя органы возьмутся? Мы, жители подъезда, на тебя жалобу накатали.

Толян нахмурился: что бы ответить, но тут из-за угла дома вырулил знакомый серебристый джип и подкатил к подъезду.

— Здравствуй, Анатолий, — поприветствовал сидевший за рулём Агаджан. — Ты подумал над моим предложением?

Толян посмотрел на оторопевшую от столь неожиданного явления соседку, поднялся, нарочито важно подошёл к машине и пожал протянутую из открытого окошка руку.

— Что ж, можно попробовать! — стараясь погромче, ответил он.

— Тогда поехали, — кивнул головой Агаджан на пассажирское сиденье.

Машина рванула с места, а соседка в ступоре осталась стоять около мусорного контейнера.

Директор стоймаркета встретила их у служебного входа. Кареглазая армянка с полноватым торсом, очарованно улыбаясь, подставила брату щёчку.

— Здравствуй, сестрёнка, — поцеловал её Агаджан. — Знакомьтесь. Это Анатолий, о котором я тебе вчера говорил. А это — Роза. Ты уж, голубушка, помоги человеку: объясни, что к чему, где и как. Надеюсь — он освоится и будет тебе толковым помощником.

Толян не сводил с директрисы глаз. До чего же привлекательной оказалась она! А она глянула на его лицо и, продолжая улыбаться, шутливо спросила:

— Что за цирюльник издевался над вашими волосами, Анатолий?

Он стыдливо потупил взгляд и, погладив голову, пробубнил:

— Да, надо постричься.

— С этим проблем не будет, — пояснил Агаджан. — Роза — прекрасный парикмахер. Хотелось бы, чтобы вы нашли общий язык. А мне пора по делам. Счастливо оставаться!..

Прошло два месяца.

Около «Ленд Крузера», стоявшего у ворот дома, остановилась белая «Хонда». Из-за руля вышла Роза, с пассажирской стороны — Толян. Это был уже не тот мятый и вонючий пьяница, а опрятный, свежeweыбритый, аккуратно постриженный мужчина. Одетый в синий спортивный костюм, он выглядел крепышом.

На человека, упавшего однажды в грязь лицом, оказалось не лишним чьё-то влияние, а у него самого — вера в то, что можно отмыться от грязи.

Роза, овдовевшая несколько лет назад и приехавшая из Армении к брату, повлияла и привлекательностью, и добротой. Она отнеслась к Анатолию не с брезгливостью, а с сожалением. Он сразу заметил это. И, преодолевая тягу к спиртному, с охотой взялся за порученную работу. Каждое утро торопился в строймаркет, чтобы побыстрее увидеть Розу. За столь короткий срок они так привыкли друг к другу, что стало ясно: им надо быть вместе.

Они вошли во двор, где их встретили хозяева и пригласили в дом. Но голова Толяна была повернута в сторону голубятни.

— Что, Анатолий, — улыбнулся Агаджан, — невтерпёж?

— Ага. Скоро можно?

— Хоть сейчас.

— Я пошёл...

И Толян заторопился по лестнице наверх.

— Осторожно, Толик! Костюм не запачкай! — крикнула вслед Роза.

Толян улыбнулся, слегка присел на правую ногу и, совершив свой коронный разворот, аккуратным, ровным взмахом запустил голубку в небо...

В БАРАБИНСКЕ, НА ТРАССЕ М51

«Неужели, Ванюша, ты меня всё ещё любишь?» — «Ну, о чём ты, милая, говоришь? Конечно». — «Но меня же нет». — «Надя, родная, ты всегда со мной. Ты есть, я вижу тебя». — «Нет. Я мёртвая, а ты живой. И пока для тебя светит солнышко, я хочу, чтобы ты был счастлив». — «Но я вижу тебя и этому рад». — «Ванюша, если встретится хорошая женщина, не проходи мимо. Ты должен быть счастлив. Я так хочу. А мне тебя нельзя любить — прощай, родной». — «Ты куда, Надя? Не уходи, постой. Надя!.. Надюша!..»

Иван открыл глаза. Знакомый серый потолок спального отделения кабины, приглушённое урчание дизеля — всё вернулось на свои места. Он откинул занавеску.

— Приснилось что неладное? — спросил сидевший за рулём напарник Алёшка. — Уж больно кричал.

Иван перебрался из «спальника» на сиденье и ответил:

— Жена приснилась. Три года, как умерла, а я всё не могу с этим смириться. Приезжаю из рейса домой, её розовый плащик висит у порога на вешалке, открою шифоньер

— все платица аккуратным рядком красуются. Всё есть, а её нет. И такая, Алёшка, тоска находит...

Иван замолчал, глядя на прорезаемую светом фар зимнюю дорогу с многочисленными огоньками встречных машин.

— Давно стемнело? — спросил он.

— Да часа два есть.

— А до Новосибирска сколько примерно?

— Только что Куйбышев проехали. Сейчас Барабинск будет. От него — километров триста ещё впереди.

— А давай-ка, Алёшка, до ближайшего мотеля докатим, покушаем, помоемся, отдохнём. А завтра пораньше тронемся. Если всё хорошо, то к обеду будем на месте, до вечера, может, успеем разгрузиться.

— Добро, дядь Вань. А вон и Барабинск светится.

— Ты его, Алёшка, проезжай. Там, на перекрёстке есть хорошее кафе. Я в нём раза три обедал.

— А гостиница?

— Тоже есть. Только ночевать не приходилось. Вот сегодня и проверим.

Не доезжая до перекрёстка, они свернули на автостоянку гостиничного комплекса, заказали двухместный номер, сдали машину под охрану и пошли ужинать.

По всему залу кафе расплывалась спокойная музыка; разноцветные огоньки игриво плясали, отражаясь в многочисленных зеркалах. Даже потолок был полностью зеркальный.

— Хорошо здесь: чисто, спокойно, уютно, вкусно. Правда, Алёшка?

— Верно, дядь Вань!

Иван доедал второе, когда зазвучала знакомая мелодия группы «Белый день» и Лена Василёк нежным голосом соловушки запела:

Отцвела липа белая, вот и встретились вновь.

Здравствуй первая нежная, неземная любовь...

— Эх, Алёшка, — сказал Иван, отпив глоток компота и облокотившись на стол. — Это же любимая песня моей молодости.

Закрыв глаза, он стал беззвучно подпевать. Алёшка, улыбаясь, смотрел на него и не заметил, как сбоку к ним подошла женщина.

...Ты и та, и не та уже. До сих пор не пойму:

Почему же ты замужем? Ну, скажи, почему?

Закончилась песня, закончилась музыка. Иван открыл глаза и вдруг услышал знакомый голос:

— Иван Михайлович Прозоров из Татарстана?

Он вздрогнул, глянул на женщину и, от удивления открыв рот, приподнял брови.

— Валентина? — только и смог прошептать.

— Узнал, — улыбнулась она. — Здравствуй, Ваня!

— Здравствуй, — поднялся он со стула и в полной растерянности проговорил: — Какая ты, Валентина...

— Какая?

— Сколько же лет прошло? Подожди, вспомню...

— Не утруждайся — тридцать три года.

— А ведь верно.

Он выдвинул из-за стола стул и предложил:

— Присаживайся. Как же ты оказалась здесь?

— Ну, а вы, как я понимаю, дальнобойщики?

— Совершенно верно. Это вот мой напарник Алёшка.

Тот кивнул головой.

— А это — Валентина. Это, Алёшка, женщина, которой тридцать три года назад я пел любимую песню своей молодости. Понял?

— Ага, дядь Вань.

— А ты, Валентина, — не сводил Иван с неё глаз, — каким образом здесь оказалась?

— Всё, что вы видите вокруг — моё.

У него снова приподнялись брови.

Она рассмеялась и предложила:

— Я вижу — вы поужинали. Поднимемся ко мне в кабинет?

— Вы идите, — сказал догадливый Алёшка. — А я — в гостиницу, закажу баньку.

— Вы устроились? — спросила она.

— Нет. Всего лишь заказали двухместный номер.

— Отменяется. Кристина! — громко позвала она.

Подошла девушка-официантка.

— Этот миловидный парень и этот прекрасный дядечка — мои гости. Каждому из них предоставить номер-люкс, а парня, которого зовут Алексей, проводить в баню. Все услуги для них сегодня бесплатные.

— Хорошо, Валентина Витальевна, — ответила девушка...

В кабинете у Валентины было также уютно и чисто. Иван сел на кожаный диван, она — в кресло напротив.

— Как же ты узнала меня? — решил он первым начать разговор, не сводя с неё глаз. — Седого, постаревшего...

— Зря себя оговариваешь, Ваня. Ты вон какой статный с виду.

— Да ладно преувеличивать. Я на тебя смотрю: ни морщинки, ни сединки, и фигура, как гитара. Сразу видно — муж тебя бережёт.

— Я, Ваня, вдова.

— Извини, — опустил он глаза.

— Всё в порядке. Я тебя узнала, конечно, не сразу. Спустившись ради проверки в зал, увидела тебя в профиль. Перешла к барной стойке, присмотрелась в фас. Ну, думаю, вылитый Прозоров. Для убедительности включила ту самую песню, что ты мне пел под гитару в день нашего расставания. Стало ясно: это ты.

— Всё помнишь, — улыбнулся Иван и, подняв глаза, снова стал неотрывно смотреть на неё. — Я, по уши влюблённый пацан, почти за двести километров ездил к тебе на свидания на мотоцикле. А после армии, при последней нашей встрече, спел эту песню, разбил гитару и...

Он, вяло махнув рукой, тихо рассмеялся.

— Как поживаешь, Ваня?

— Вся моя жизнь почти — на колёсах. Как устроился после службы в автопарк, так и по сей день там. И дальнобойщиком уже целых двадцать три года. Недавно бывшего напарника проводил на пенсию. Тот в свою очередь посоветовал мне поехать со своим племянником Алёшкой. Хороший оказался парень: трудолюбивый, послушный, непьющий.

— Ну, а семья как?

— А что семья... Две дочери замужем, два внука и внучка. Как вернусь из рейса, все — сразу ко мне. Я ведь без гостинцев домой не еду.

— А жена?

— Мы с моей Надюшей прожили вместе двадцать восемь лет. — Иван снова опустил глаза. — Три года назад она покинула этот мир.

Валентина вздрогнула после этих слов, поднялась с кресла и отошла к окну.

— А я своего Костю тоже похоронила, — сказала она после недолгого молчания, — скоро два года будет.

— Костю? Но ты же выходила замуж за Сергея.

— С Сергеем мы прожили мало. Работать он не хотел, любил пьянствовать, увёз нас с сыном Дениской к себе в деревню. Мне пришлось устраиваться продавцом в сельмаг, но ненадолго. Не моя это была жизнь. Подала тогда я на развод, забрала Дениску и уехала в город к матери. А с Костей меня познакомила мамина подруга тётя Эльза. Она отправила ему, то есть своему племяннику, письмо с моим фото. Вместо ответа прикатил сам Костя на красивом чёрном «Мерседесе» и увёз нас с сыном сюда, в Барабинск. Он тогда был начинающим бизнесменом, а отец его — директором предприятия стройматериалов. Я помогала мужу, как только могла. Мы занимались поставкой автозапчастей и ремонтом автомобилей. Потом Костя с отцом решили построить вот этот гостиничный комплекс. Сейчас мне помогает молодой зять: занимается работой рефрижераторов. У нас четыре автомобиля «МАН», позавчера пригнали новый «Мерседес». Костя почему-то признавал только немецкую технику, зять Андрей — то же самое. А Денис живёт в Новосибирске, содержит автосервис. Вот таково, примерно, моё существование.

— А дети? Сколько их у тебя?

— Двое. Денис Сергеевич и Мария Константиновна. Две внучки в Новосибирске уже школьницы, а внуку здесь, в Барабинске, семь месяцев.

— Выходит, я богатый дед, ты богатая бабушка.

Валентина рассмеялась и снова присела на кресло. Иван, слегка улыбнувшись, смотрел на неё, любуясь ровным рядом белоснежных зубов, добрым взглядом красивых серых глаз, с небольшой горбинкой носом, нежными губами, слегка подкрашенными помадой цвета вишни. Короткая причёска шатенки молодила её.

— В молодости, Валюша, — сказал он, — у тебя была большая коса.

— Была, Ваня, была...

— Всё равно — как была красавица, так ею и осталась. Смотрю на тебя и боюсь ослепнуть.

— Ну ладно, хватит льстить. Я хочу предложить вам с Алёшей поехать ко мне в гости. Сейчас позвоню Андрею, чтобы приготовил баньку. Напаритесь, отдохнёте, посмотришь, как я живу. У меня дом на окраине города.

— Видишь ли, Валюша, — ответил он не сразу. — Спасибо, конечно, за приглашение. Мне очень этого хочется, но только не сегодня. Время уже поздноватое, а нам завтра пораньше выехать надо. Желательно хотя бы в обед прибыть в Новосибирск, чтобы успеть разгрузиться. Через пару дней мы должны ехать обратно, вот тогда обязательно погостим.

— Хорошо, — согласилась она, прошла к столу, что-то взяла и протянула Ивану. — Вот визитка. Звони — я очень буду ждать...

Следующий день выдался удачным. По-зимнему яркое солнце поддерживало бодрое настроение. Заторов на дороге не было, задержек на постах ГАИ — тоже. Иван с Алёшкой уже в обед были в Новосибирске, а к вечеру рефрижератор — полностью освобожден от груза. На другой день, загрузившись стройматериалами, друзья отправились в обратный путь.

Иван, сидя за рулём, смотрел на покрытую свежевывпавшим снегом дорогу и думал о приснившемся этой ночью сне.

Стоит он на берегу незнакомой реки. Течение у неё быстрое, а вода голубая-голубая. Плывёт лодка, а в лодке — его Надя в том самом розовом плащике, на голове

у неё белый берет. Вот лодка останавливается напротив него. Течение быстрое, а лодка стоит. Надя машет рукой и весело смеётся. «Я рада за тебя, Ванюша, — говорит она заволаживающим голосом. — Ты будешь долго жить, потому что я этого хочу. Тебе встретишься хорошая женщина — не проходи мимо неё. Она к тебе равнодушна. Ты будешь с нею счастлив. И мне так будет хорошо и спокойно». Лодка начинает плыть дальше. Надя смеётся. Иван бежит за ней по берегу, но течение всё быстрее и быстрее, а лодка всё дальше и дальше. Не догнать. Он кричит что-то, но не слышит своего голоса...

— Дядь Вань, — сказал сидевший рядом Алёшка. — Прибавь ходу. Дюже тихо плетёмся.

— Да, да, конечно. Задумался я немного, — тряхнул головой Иван.

«КамАЗ» стал набирать скорость.

— Пообедать бы пора, — предложил Алёшка.

— Доедем до ближайшей кафешки — поедим. Валентина дала мне свою визитку, приглашала в гости. Может, заедем, отдохнём денёк-другой, а? Как думаешь?

— Смотри сам, дядь Вань. А не стесним?

— Надеюсь, что нет. У неё, как она сказала, большой дом в Барабинске. Мне хочется ещё раз с Валентиной увидеться. Позвоню сейчас..

Иван припарковался к обочине и остановился. Долго держал мобильник около уха, ожидая соединения. И услышав знакомый голос, радостно закричал: — Здравствуй, Валюша! Это я, Иван!.. Едем обратно!.. С удовольствием!.. Обязательно погостим! Будем подъезжать — перезвоню!.. Ждешь? А я спешу!

Он включил передачу, убрал ручной тормоз и подмигнул напарнику...

Дом у Валентины действительно был шикарный: двухэтажный, с баней и бассейном, с теплицей, с бильярдной комнатой. В гараже стояли «Мерседес» и «Опель». Иван с Алёшкой гостили двое суток, соврав по телефону в автопарк о поломке гидромфты двигателя. Зять Андрей оказался грамотным, общительным парнем. А дочь Маша — такой же красивой и доброй, как и сама мама.

У Валентины с Иваном было много разговоров и воспоминаний. И те два дня, что они провели вместе, казалось, сблизили две одинокие души. Конечно, это были не юные влюблённые, а мужчина с женщиной, встретившиеся вновь через тридцать три года. Но чувства в человеке никогда не стареют, как и душа.

По приезду домой, Иван много думал о Валентине, часто звонил ей. Звонил и находясь в рейсах. А однажды из телефона донесли такие слова:

— Скучно мне без тебя, Ваня. Бросить бы всё и быть с тобою рядом. Но сам понимаешь — нельзя. Хочу, чтоб ты знал: я жду тебя и днём, и ночью.

Иван долго не раздумывал — уволился с работы, сходил на могилку жены, попросил прощения, а всё хозяйство оставил детям...

В Барабинске у Валентины зазвонил мобильник, на дисплее высветилось знакомое имя, она ответила:

— Алло. Здравствуй, Ваня.

Но из телефона донеслось только одно слово:

— Еду!

